

Сердюкова Е.И. (Могилев, Беларусь)

ОБ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ ПОЭЗИИ КОНСТАНТИНА МИХЕЕВА

В современном литературоведении проблема интертекстуальности - одна из широко изучаемых и дискуссионных. Научный анализ художественных произведений с позиций теории интертекстуальности представляется необходимым условием для понимания и интерпретации как авторского текста, так и мировоззрения писателя.

Весьма актуальны для дальнейшего развития белорусского и русского литературоведения является исследование интертекстуального пространства поэзии Константина Михеева, современного русскоязычного поэта Беларуси, творчество которого насыщено культурными и литературными аллюзиями. Наблюдающееся усиление интереса к изучению интертекстуальных связей не случайно, оно имеет глубокие корни и обусловлено современной тенденцией к осмыслению литературных памятников прежних эпох.

Творчество Константина Михеева является примером характерного для рубежа XX-XXI веков обращения к интертекстуальности как основному методу работы с предшествующей литературой. Особая роль здесь принадлежит творческой интуиции поэта, позволившей ему под влиянием западноевропейской и русской литературной традиции создать особые формы интертекстуальных отношений в своих стихотворениях.

Г.Синило, рассуждая о поэзии Константина Михеева, приходит к выводу о том, что «помимо русской культуры, античность и библейский мир – две стихии, в которых поэт чувствует себя не пришлым, не чужаком, но тем, кто знаком с этими мирами изнутри» [2, с. 155].

К.Михеев в процессе переработки основных тем и сюжетов прецедентных текстов акцент делает на стирании границ между «чужим» и «своим» текстом. К примеру, библейские и античные сюжеты не просто интерпретируются поэтом, а выступают в качестве транскультурных кодов, посредством которых осуществляется связь прошлых времен и поколений с современностью. К числу таких транскультурных сюжетов и тем в лирике поэта относятся библейские пророчества о городах («Песнь о Ниневии», «Пророчество о Тире») и странствия Одиссея («Телемаху – с любовью и сожалением», «Продолжение «Одиссеи», триптих «Улисс»).

Стихотворение «Телемаху – с любовью и сожалением» подчеркивает тот факт, что в лирике К.Михеева античный персонаж является выразителем комплекса различных эмоций и мыслей нашего современника. В нем нет стилизации под античность, хотя герой стихотворения становится субъектом текста – послания Одиссея сыну на пути к дому. Есть также немногочисленные детали, привязывающие это стихотворение к сюжету мифа: «спасили город», «вырезали пленных», «ветреная Елена», «деревянные лошади». Но Михеев развенчивает миф, «где каждый камень вымыслом пропах, о доблести, о славе, о позоре»:

*Герои Греции! Прекрасен был ваш пыл,
но слишком чист для эпоса. Когда бы
и ты вот так сражался и любил,
мой Телемах... Героев погубил
не Посейдон, а лошади да бабы [3, с. 138].*

В стихотворении «Улисс» присутствует еще один интереснейший комплекс мотивов, существенно обогащающий представления о теме Одиссея в поэтике Михеева. Если основная черта гомеровского Одиссея — непреодолимое желание вернуться домой, к семье, то Михеев вопрошает своего героя: «О родине ль мечтаешь ты, Улисс?»

*И песнь неумолимо и весомо
объемлет мир наивный и немой,
где человек несется прочь от дома,
чтобы потом влачиться вновь домой [3, с. 152].*

Лирические стихотворения К.Михеева, сюжетно связанные со странствиями Одиссея, отсылают читателя не только к поэмам Гомера, но и к роману Д.Джойса «Улисс», и к поэзии И. Бродского.

Следует отметить особое использование Константином Михеевым эпиграфов. Апеллируя к чужим высказываниям, поэт вступает в полемический диалог с их автором. Например, стихотворение «Последний Рим» начинается со слов митрополита Филофея «...два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не бытии» [3, с. 97], которые критически переосмысливаются Михеевым, отвергающим мифы, созданные вокруг России. Однако включение эпиграфа в поэтическое пространство может преследовать и иную цель – лирик делает его отправной точкой для утверждения собственного мнения. Слова Батюшкова «Проснулся он: и что ж? Отчизны не познал» [3, с. 150] являются эпиграфом к стихотворению «Итака» и предвосхищают его идейный смысл.

Интертекстуальность лирики Константина Михеева проявляется и на уровне явного и скрытого цитирования. Как и в случае с использованием эпиграфов, цитата служит либо для подтверждения собственных позиций поэта, либо для демонстрации мнения, отличающегося от цитируемого высказывания. Примером явной цитаты выступают следующие строки:

*...рябиновой кровью на коже дрожащей берез
я пишу неумело: «Ты вся-поцелуй на морозе...» [3, с. 125]*

Константин Михеев взял их из стихотворения Велимира Хлебникова «Русь, ты вся поцелуй на морозе!..», которое, в свою очередь, также наполнено аллюзиями. Так, первая строка отсылает читателя к строкам А.С. Пушкина «Как сладко поцелуй пылает на морозе...» («Зима, что делать нам в деревне»), а следующие слова В. Хлебникова «Синею молнией слиты уста...» представляет собой также литературную аллюзию к творчеству Л. Блока («Две тени слиты в поцелуе ...») [1, с. 156].

Или строфа из другого стихотворения Константина Михеева
*На пустых перегонах твержу я ночами глухими,
призывая тебя из пронизанной смутами тьмы:
«Да спасет нас, Мария, твое чудотворное имя
от бесчестья, безумья, крамолы, тюрьмы да сумы!» [3, с. 121,
«Капитанские дочери»],* отсылающая читателя к повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка».

Возможно скрытое цитирование чужих мыслей, представленных в авторском тексте без выделения. Данный тип интертекстуальных отношений встречается в цикле стихотворений К. Михеева, посвященных Петербургу. Разрабатывая этот корпус произведений, автор опирается на творчество поэтов Серебряного века. Так,

обнаруживаются отсылки к В.Маяковскому: «Он обречен *плутать в туманах звездных, / жечь грудь певца божественным огнем* [3, с. 79, «В прохладной грезе русского адмирала...»]; «...*топот ног... Человека давить, как клопа, / бестолковой толпе не впервой: / подогнуты колени, и хлынет толпа...*» [3, с. 67, «Железная дорога»]. Проблема интерпретации «петербургского мифа» в лирике русскоязычного автора представляет огромный интерес и требует подробного изучения в рамках отдельного исследования.

Константин Михеев является не только поэтом, но и переводчиком с французского и испанского языков. Этот факт биографии разумеется не мог не отразиться на его творчестве. В сборниках «Гиперборея» и «Стихи Мнемозине» довольно часто встречаются иностранные слова и предложения без перевода. Стихотворение «Каддиш Аллену Гинзбергу» начинается с эпиграфа на английском языке «Strange now to think of you...» [3, с. 234] и заканчивается словами на английском «Thank you» [3, с. 235]. Перевода этих выражений К. Михеев не дает, но опосредованно, через чтение лирического произведения, читатель понимает их смысл. Подобная ситуация, когда текст на иностранном языке включается в авторское произведение, характерна и для других стихотворений поэта («Корректируя Бодлера», «Артуру Рембо, негоцианту», «Меценату» и др.). «Лили Марлен: песня и вариации» состоит из двух частей: первая – перевод текста песни, написанной в 1915 году немецким солдатом Гансом Ляйпом в берлинской казарме, где он ожидал отправки на фронт, а вторая часть представляет собой творческую модификацию данной темы.

Очевиден тот факт, что становление творческой манеры Константина Михеева происходило под влиянием западноевропейской и русской литературы. Это нашло отражение в бессознательном подражании другим авторам. Однако существует в его поэзии и сознательный акт подражания, свидетельствующий о непревзойденном мастерстве русскоязычного поэта и о наличии в его поэтическом наследии еще одной формы интертекстуальных отношений между текстами – подражания. Стихотворение «Александрийский стих» – не просто пример подражания данной модели построения лирических произведений, а своеобразная стилизация. Так, поэт берет за основу отличительный признак классического александрийского стиха. «Александрийский стих» К. Михеева представляет собой шесть стоп с цезурой после третьей стопы, но автор не соблюдает обязательное смежное расположение попеременно то двух мужских, то двух женских

рифм. В его тексте есть мужские и женские рифмы, но рифмуются они не парно, а перекрестно, объединяя в пары чётные и нечётные строки:

Александрийский стих! В крахмальной белизне (А)

Гераскловой руки тверда мускулатура. (В)

Пророческий размер диктует стон. Зане (А)

уменье простонать – и есть литература. (В) [3, с. 256]

Таким образом, рифмовка перекрестная: АВАВ.

События, описанные в стихотворениях К. Михеева, указывают не только на интертекстуальные связи с другими текстами, но и отсылают читателей к определенным историческим, культурным событиям и фактам действительного мира. Это свидетельствует об использовании поэтом такой формы интертекстуальных отношений как аллюзия, с помощью которой Константин Михеев заимствует доминирующую идею прецедентного текста, его фактическую сторону. Демонстрация данного типа интертекстуальных взаимоотношений обнаруживается при исследовании библейских циклов поэта.

Поэзия К.Н. Михеева отличается особым типом миромоделирования. Атмосфера трагичности и пессимистичности пронизывает художественное пространство лирики поэта, однако надежда на преодоление порочного круга бытия существует. Человечеству необходимо обратиться к библейским истинам и следовать по пути нравственного самосовершенствования.

Интертекстуальность поэзии Константина Михеева предстает перед читателями как специфическое качество и универсальное свойство, как один из основных приемов создания структурно-смыслового поля его произведений.

Литература

1. Блок, А.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. / А.А. Блок. – М. : Наука, 1999. – Т. 5 : Стихотворения и поэмы (1917–1921). – 568 с.
2. Михеев, К.Н. Гиперборея. / К. Н. Михеев. – Мн., 1994. – 159 с.
3. Михеев, К.Н. Стихи Мнемозине: Избранные стихотворения / К.Н. Михеев. – М.: Нов. знание, 2002. – 261 с.